

АГАТА КЛАВ

СЛУЧАЙНЫЙ БРАК
С МИЛЛИАРДЕРОМ

Золушки наших дней

Агата Лав

Случайный брак с миллиардером

«Автор»

2020

Лав А.

Случайный брак с миллиардером / А. Лав — «Автор»,
2020 — (Золушки наших дней)

Некоторые девушки мечтают встретить миллиардера и устроить себе безоблачную жизнь. Мне этот фокус удался лишь наполовину: миллиардер сам нашел меня и даже сам постучался в мою дверь, только вот безоблачную жизнь он представляет иначе. Он хочет взять меня в жены на полную ставку... Как на работу. Со строгим перечнем моих обязанностей и прав. Кхм. А что, если я не согласна? И зачем это ему?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Агата Лав

Случайный брак с миллиардером

Агата Лав

* * *

Глава 1

– Ты почему мне ничего не сказала? Боже! А еще сестра, называется!

Звонкий голос младшей сестры оглушает, я отодвигаю сотовый подальше от лица и с тоской смотрю на часы, которые показывают восемь утра. Я могла выспаться в свой законный выходной, если бы не ее звонок.

– Лиза...

– Нет, не Лиза, – давит сестра. – Ты когда собиралась мне рассказать?! Почему я узнаю об этом из новостей? Это же уму непостижимо...

– Из каких еще новостей? О чем ты?

– О том, что ты выходишь замуж! – с новой силой заводится сестра, а мне приходится отодвинуть сотовый еще на пару сантиметров. – Или это тонкий намек, что меня на свадьбу никто не позовет? Даже не думай! Я тебе не прошу, я хочу увидеть ЕГО своими глазами...

– Да подожди ты, – шиплю на нее, потому что иначе невозможно заставить ее замолчать. – Я вообще не понимаю, о чем ты! Какая свадьба? Какие новости?

Какие вообще могут быть новости? Даже если бы я тайно от семьи выходила замуж, это не повод диктору новостей подсовывать мою фамилию под нос. Нужно быть принцем Великобритании или на крайний случай скандальной певицей, чтобы посторонние люди заинтересовались твоей личной жизнью.

А я, черт возьми, тортики пеку на дни рождения!

– Какие новости? – с издевкой повторяет мой вопрос сестра. – Светские, Светик. Ты на каждом сайте и даже по телеку мелькнула...

– Лиза, скажи честно, ты пила?

Спрашиваю у нее, а ладонь прикладываю к своему лбу. Может, температура поднялась? Или я до сих пор сплю?

Я резко поднимаюсь с кровати и направляюсь в ванную, чтобы умыться.

– Я приведу себя в порядок и перезвоню, – решительно кидаю в трубку. – Тогда мы нормально поговорим.

Отключаю телефон и поворачиваю к нужной комнате. Дверь не закрыта, поэтому зеркало над раковиной сразу сообщает, что мне уже не семнадцать. И даже не двадцать. Это раньше можно было весело провести вечер, а утром как свежая роза. Ни намек на то, что провела время в темном, плохо вентилируемом и шумном месте. Сейчас же смотрю на свое отражение и могу посчитать каждую минуту, которую позволила себе в баре.

Хорошо хоть, я почти не пила вчера. Два сладких коктейля с ничтожным содержанием алкоголя не в счет. Я была с Ларисой и ее друзьями, она получила повышение в своей фирме и затащила нас всех в пафосное местечко, где стоит чуть зазеваться – и можно оставить всю месячную зарплату до копейки. Мне ее зарплату было жалко, и я, как настоящая подруга, смотрела в меню на цифры, а не на буквы.

Я возвращаю зубную щетку на место и еще раз умываюсь прохладной водой. Сотовый издает короткий звук и двигается ко мне ближе по стеклянной полочке. На экране горит “Сестренка”.

– Вот нетерпеливая, – стону, вспоминая наш странный разговор.

Открываю ее сообщение и вижу еще более странное. На экране моя фотография, причем явно вчерашняя. Я узнаю макияж и маленькое черное платье, которое выбрала для вечеринки Ларисы, да и на заднем плане тот самый бар с нью-йоркским интерьером.

Только вот рядом со мной незнакомый мужчина... Он сидит немного впереди, но вытянулся ко мне навстречу и почти поцеловал в щеку. Я же смотрю куда-то в сторону с легкой улыбкой, которая мне очень идет. Я даже подвисяю и забываю о постороннем мужике. Удач-

ный кадр полностью завладевает моим вниманием. Я редко хорошо получаюсь, а тут и свет лег как надо, и поза у меня шикарная. Надо будет запомнить и практиковать этот полуоборот, он меня стройнит лучше занятий в спортзале.

– Ну и?! – пишет сестра в сообщении.

Я начинаю набирать ответ, что первый раз в жизни вижу этого мужика, но вдруг понимаю, что вру. Задерживаюсь взглядом на волевом лице брюнета и чуть не выпускаю телефон из рук.

Это же Максим Константинов!

Да нет, не может быть...

Где я, а где он...

Но лицо его, и вот эта фирменная полуулыбка-полуухмылка тоже его. Я слышала об эксцентричном миллиардере, чья компания бурит нефтяные скважины, открывает казино за океаном и для разнообразия скупает чужие бизнесы. Он частенько мелькает в новостях, где произносит то официальные речи, то остроты.

А иногда господин Константинов откровенно хамит. Я дословно помню его “великую мудрость” о противоположном поле. Трудно забыть момент, когда с уст избалованного богача слетает “Я обожаю девушек. Они прекрасны, как цветы, благоухают и очаровывают. Нужно только вовремя менять букет”.

Он это сказал на восьмое марта. Поздравил, так сказать.

Телефон снова вибрирует, и от сестры приходит ссылка на сайт. Я не раздумывая нажимаю на нее и попадаю на новость, что владелец огромной корпорации заявил, что встретил свою судьбу и день свадьбы уже назначен. А рядом наша фотография из бара. Та самая, где я смотрю в сторону, а мужчина тянется к моей щеке.

Это уже сюр какой-то...

Я не понимаю, что моя фотография с Максимом Константиновым делает в новостях. Не понимаю, как вообще эта фотография была сделана. И, самое главное, какого черта меня записали ему в невесты?

Что вообще происходит?

У меня даже нет провалов в памяти, я досконально помню вчерашний вечер, и не было там никаких перспективных знакомств с завидными женихами из списка богачей. Уверена, я бы это запомнила. Даже если бы выпила не два, а пять коктейлей.

– Лиза, – бросаю, когда она берет трубку после первого же гудка. – Это какая-то ошибка, я ничего не понимаю.

– То есть?

– Я не знакома с Константиновым. Я его только по телику видела, и то мельком.

– Хочешь сказать, что на фотографии с ним не ты? Но там даже имя совпадает...

– Имя?

– Там же написано: “Максимов сообщил, что его избранницу зовут Светлана”.

– Очень странно, – тяну по слогам, а в голове штиль. – Скажи, что это не розыгрыш. Что ты не издеваешься надо мной.

– Говорю.

Я протяжно выдыхаю, и в этот момент в дверь настойчиво стучат. Я на автомате иду в прихожую, пока сестра удивленно дышит в трубку. Она тоже не может найти объяснение. А я настолько плохо соображаю, что сперва открываю дверь, а потом вспоминаю, что вообще-то не посмотрела в глазок и не поинтересовалась “кто там”.

– Ой, – только и слетает с моих губ.

На пороге стоят двое крепких и высоких мужчин. Я сжимаю ручку сильнее и уже хочу захлопнуть дверь побыстрее, как они расходятся в стороны и передо мной появляется третий мужчина.

Максим Константинов.

Это точно он.

– Здравствуйте, Светлана, – произносит он низким баритоном.

– Здравствуйте, – произношу сквозь удивление, которое граничит с шоковым состоянием.

Теперь я рада, что сестра разбудила меня в выходной и прислала фотографию из бара. Она, можно сказать, подготовила меня к тому, что происходит прямо сейчас. А прямо сейчас на пороге моей квартиры стоит господин Константинов. На нем черный строгий костюм и цветастая гавайская рубашка, от которой болят глаза. Это удивительное сочетание элегантного костюма и безвкусного верха зачаровывает меня, и я далеко не сразу понимаю, что самым наглым образом пялюсь на мужской торс.

Там, к слову, есть на что. Константинов спортивно развит и генетически одарен. У него широченные плечи и идеальный мужской рост: он высокий, но не баскетболист. Хотя мне все же приходится запрокидывать голову и смотреть на него, как на солнышко на небосклоне.

Солнышка, впрочем, не видно, мужчина хмур и заметно собран. Тонкие губы легли жесткой полосой, а в синих глазах плещется что-то штормовое.

Интересно, он всегда такой? Или просто встал не с той ноги?

– В квартире есть посторонние? – изрекает Константинов после паузы и тут же делает шаг вперед.

Я отступаю. Все-таки, когда на тебя надвигается внушительный шкаф, да еще с недобрый взглядом, волей-неволей сделаешь шаг назад. Но я вовремя вспоминаю, что за спиной, вообще-то, моя квартира, и торможу. Заранее выставляю ладони, чтобы мужчина не думал касаться меня.

– Есть, – уверенно киваю.

Я смотрю на него, зависшего на пороге, а потом отклоняюсь в сторону и пересчитываю остальных. Кроме двух охранников нахожу сухого молодого человека в деловом костюме с галстуком. Он похож на юриста или помощника, что тенью ходит за боссом.

– В квартире один посторонний. – Я указываю ладонью на Константинова. – И еще трое стоят у двери.

Константинов коротко улыбается, будто моя шутка пришлась ему по вкусу, но вновь становится серьезен. И он делает шаг! Продавливает меня, а когда я думаю возмутиться, вовсе кладет свои ручища на мои плечи и отодвигает меня, как предмет мебели.

– Не трогайте меня! – вскрикиваю, но слишком тихо: от возмущения перехватило горло. – Не смейте...

– Все-все, больше не буду.

Мужчина убирает свои руки и проходит вперед, оглядываясь по сторонам.

– Нет, парни, не надо, – он дает отмашку охранникам, чтобы они не совались. – Только Герман пусть потом войдет.

– Герман? Какой еще Герман?!

– Светлана, – Константинов перекрывает мое возмущение гулким голосом и протягивает ладонь для рукопожатия. – Давайте начнем сначала? И познакомимся, как нормальные люди.

– Вы, судя по всему, знаете мое имя.

– А вы мое? – он усмехается.

Константинов убирает ладонь, поняв, что я не отвечу на жест.

– Ваше лицо мне знакомо. Но я бы не вспомнила ваше имя, если бы мне с утра не прислали одну странную фотографию. Я подумала, что это какая-то ошибка, но сейчас начинаю думать, что всё хуже.

– Хуже? – Его бровь изгибается. – Нет, Светлана, вы вытащили счастливый билет. Я хочу сделать вас своей женой. Официально.

Официально?

О чем он вообще говорит?

Да еще с такой довольной улыбкой. Она злит меня, и мне хочется побыстрее сбить его хорошее настроение к черту.

– Вам наскучил гольф? Или острова в океане закончились? – Смотрю в его бездонные синие глаза и пытаюсь найти там хоть каплю совести. – Придумали новый способ развлекаться?

– Гольф наскучил, – он невозмутимо кивает, – насчет островов не уточнял. А острая на язык жена – так себе развлечение. Еще вопросы?

У меня в голове стучит один-единственный вопрос. Какого черта? Но я даю себе отдышаться, чтобы не начать препираться с ним просто так.

– Больше нет вопросов? – Он актерничает и наклоняет ко мне корпус, делая вид, что боится, что что-то пропустил.

– Есть один, – шиплю, потому что он все-таки выбивает меня из равновесия. – Меня страшно интересует одна вещь.

– Какая, Светлана?

– Ваша рубашка. – Я поднимаю ладонь, показывая на буйство красок на его груди. – Не знаете, бывают такие же, но мужские? Я бы парню своему подарила.

Снова усмешка. Хозяйская и тягучая. С печатью большого босса.

– У вас нет парня.

– Откуда вы знаете?

– Я просмотрел ваше досье. Мои люди собрали информацию, я успел ознакомиться, пока ехал сюда. У вас есть младшая сестра и нет родителей, вы кондитер, работаете на себя и не платите налоги, во всяком случае за последний год отчислений в бюджет не производили, квартиру снимаете, машиной не пользуетесь, ходите на курсы английского языка один раз в неделю и имеете диплом журналиста.

Он замолкает и смотрит мне в глаза, явно оценивая произведенный эффект.

– Вы никогда не были замужем, и у вас нет детей, – добавляет Константинов. – И вы зарегистрированы на сайте знакомств.

– Только не говорите, что нашли меня там, – я подшучиваю.

– Я нашел вас вчера в баре.

– И что? Я вам так сильно понравилась, что постеснялись подойти? Но зато сообщили всей стране, что я вот-вот стану вашей женой?

– Именно, – он кивает с хитрым взглядом, уходя от ответа. – Я не сошел с ума, Светлана, я предлагаю вам работу, а не традиционный брак. Рассматривайте статус жены как должность. Как высокооплачиваемую и престижную должность. Я посмотрел ваше резюме на сайте знакомств, и меня всё устроило, а вчера в баре было своего рода собеседование. Я наблюдал за вами, и вы оставили приятное впечатление.

Он с удивительной уверенностью произносит дикие вещи. И звучит, черт возьми, убедительно. Его можно заслушаться. Кажется, именно после таких людей в доме пропадают ценные вещи, а потерпевшие обвиняют во всем гипноз.

– А стажировка будет? – вымученно шучу.

– Вы ее прошли, когда подшутили над моей рубашкой.

– Вы же сказали, что острая на язык жена – еще то развлечение.

– А я вас выбрал не для развлечения, – спокойно замечает Константинов. – Вам не нужно знать, зачем мне это, мы заключим договор и пропишем каждую мелочь, чтобы каждый из нас понимал свою роль.

Он дает знак своему помощнику, и тот перешагивает порог и закрывает за собой входную дверь. Герман вежливо кивает мне и скидывает ботинки, после чего проходит в гостиную.

– Он пока подготовит документы, – поясняет Константинов, пока я еще прихожу в себя после всех его слов. – Нам придется подписать тысячу бумаг. Может, какие-то браки и совершаются на небесах, но наш не тот случай.

Я не настроена ни на какой брак. Поэтому хмуро смотрю на непрошеного супруга и пытаюсь мыслить рационально. Рядом с господином Константиновым это трудно, но нужно себя заставить. Нужно понять, что делать. Уходить он явно не собирается, ему больше нравится смотреть на меня свысока и раздавать приказы то своим охранникам, то юристу.

Тот уже разложил папки на обеденном столе, сдвинув мою вазу с искусственными цветами в сторону. Герман методично раскладывает листы и проверяет их порядок. В глаза бросаются яркие стикеры, которыми помечены отдельные странички. Следом помощник достает две шариковые ручки, кладет их на стол и поправляет так, чтобы они лежали строго параллельно друг другу.

Не работник, а мечта босса-перфекциониста.

Может, Константинов ждет, что я тоже буду на цыпочках ходить? Смотреть ему в рот и надеяться на щедрую премию? Деньги мне не помешают, они никому не помешают, но то, что он предлагает, не вмещается ни в какие рамки. Как он себе это представляет? Нет, не так... Как ему такое в голову пришло?!

Что значит “рассматривайте статус жены как должность”? И почему мой новый статус уже рассматривает половина страны?

– Я не собираюсь ничего подписывать, – говорю уверенно. – Даже читать не буду, я не юрист и ничего не понимаю в документах.

– Мой понимает.

– А я ему не доверяю. Ничего личного, Максим Константинов, но он ваш человек, а я вижу вас впервые в жизни.

С ума сойти, это уже начинает напоминать деловые переговоры. Я собираю руки в замок на груди и впервые вспоминаю, что Константинов застал меня врасплох. Я успела только умыться, но на голове растрепанный после сна пучок, под глазами круги из-за вечеринки, а на моей пижаме нарисован жираф.

Ну и пусть. Он сам пришел, я на утреннее свидание ни с кем не собиралась.

– Вы правы, – неожиданно соглашается со мной Константинов. – Я могу дать...

Он переводит взгляд на позолоченный хронометр.

– ...вам время до двенадцати. Найдите человека, который посмотрит документы и успокоит вас, что в них нет ничего криминального. Я мог бы посоветовать хороших специалистов, но боюсь, им вы тоже не доверяете. Нужно только сперва прояснить два момента. Первое – вы сейчас подпишете соглашение о неразглашении информации. Все, что я вам сказал при личной встрече, и сам факт этой встречи останется между нами.

Он давит уверенным голосом. Константинов перестает обольстительно улыбаться и включает режим владельца международной корпорации. Видно, что он давно привык командовать, требовать отчет и пригвозждать к полу одним ледяным взглядом.

В этот момент я смотрю на него и остро чувствую пропасть, которая зияет между нами. Пропасть денег и безграничной власти. Я даже ежусь, как от зимнего ветра, вдруг ярко представляя себе, как я могу рухнуть в эту пропасть, если он захочет, и никто мне не поможет.

– А второе? – спрашиваю, когда Константинов ненадолго замолкает, проверяя, что я поняла каждое его слово.

– Я предлагаю хорошие деньги. Сто тысяч за каждый день.

– За каждый день брака?

– И подготовку к нему.

Хочется откашляться. А еще переспросить. Но не хочется выглядеть дурой.

– Мой юрист оставит ваш экземпляр договора, чтобы вы могли ознакомиться. Юрист, кстати, тоже останется...

– Что?

– И охрана. Я должен быть уверен, что бумаги не утекут в чужие руки.

– Вы же сказали, что я могу показать их тому, кому доверяю?

– Сперва скажете Герману, кому именно. А он уж решит, допустимо это или нет.

– Прекрасно, – я усмехаюсь, но без огонька, Константинов совсем разошелся и давит уже бульдозером, проглянула хищная суть бизнесмена из высшей лиги, который привык добиваться своего любой ценой. – Я начинаю понимать, как будет выглядеть наш брак.

– Он будет выглядеть прекрасно. В этом его цель.

Он щурит глаза и делает шаг ко мне. Я оказываюсь не готова и нервно дергаюсь. Отступаю и упираюсь в комод, который стоит в прихожей. Константинов продолжает приближаться и через мгновение оказывается точно передо мной. Внимательно вглядывается в мое лицо и обдает резковатым ароматом мужского парфюма.

– Светлана, мы можем сотрудничать, а можем воевать. Но в любом случае вы будете делать то, что я скажу. Вы станете моей женой и уже завтра поедете со мной на открытие детского фонда. Вы уже моя невеста, это невозможно откатить назад...

– Почему? Можно сказать, что произошла ошибка.

– Я не совершаю ошибок. Никогда.

Он медленно подносит ладонь к моему лицу и хочет поправить выбившуюся прядку, но я перехватываю его пальцы и отбрасываю их прочь.

– В договоре есть что-то о том, что вы можете трогать меня?

– Нет, – Константинов улыбается одними уголками губ, понижая голос до хриплого шепота. – Я бизнесмен, а не монстр.

– Я бы поспорила.

– Мне это нравится. Спорьте на здоровье, Светлана, только не глупите.

– Вы можете уже отойти? Мне дышать нечем. А люди как раз совершают глупости из-за нехватки кислорода.

Константинов делает небольшую паузу, забираясь неприлично глубоко в мои глаза. Он умеет смотреть прямо в душу, ничего не стесняется и буквально ввинчивается. Но все же отступает. Отходит к входной двери и кладет широкую ладонь на металлическую ручку.

– Я жду своего юриста с вашими подписями к обеду. После того как вы подпишите все необходимые бумаги, он скажет вам, что будет дальше. Вам пришлют помощника и помогут собрать личные вещи.

– Это еще зачем?

– Вы не сможете жить здесь дальше. Во-первых, это странно для моей будущей жены...

– Вы хотели сказать “бедно”?

– А во-вторых, скоро здесь будет больше прессы, чем на Каннском кинофестивале. Вам все равно больше не дадут здесь жизни. Да и соседи замучают.

Он снова улыбается с хитринкой.

– До встречи, Светлана. – Константинов кивает мне и скрывается за дверь.

Я слышу, как он приказывает охранникам остаться дежурить, а сам направляется к лифту. Гулкие шаги отдаляются, но меня не покидает ощущение, что он по-прежнему здесь. Он уже перевернул мою жизнь с ног на голову, и этого уже не исправить.

Глава 2

На ум приходит только сестра. Лиза уже в курсе происходящего безумия, и она оканчивает юрфак. Удачное комбо. Вот кому я позвоню и попрошу совета насчет бумаг. Я беру сотовый в ладонь, на что тут же реагирует Герман. Он вытягивается стрункой и смотрит на меня осуждающе.

– Вы хотите с кем-то связаться? – спрашивает помощник.

– С ума сойти, меня никогда так не контролировали! Даже в детстве.

– Это не шутки, Светлана Сергеевна. Вы должны предельно серьезно подойти к делу...

Я фырчу на него, чтобы он убедился в моей серьезности как следует. Герман теряется, не зная, что сказать на это, но через мгновение тоже тянется к своему телефону.

– Seriously? Позовешь охрану?

– Вы не оставляете мне выбора.

Я качаю головой, поражаясь абсурду ситуации. Мне указывают, что делать в собственной же квартире, и указывает мужчина, которого я десять минут назад знать не знала. Я придирчиво оглядываю Германа с ног до головы и пытаюсь прикинуть его возраст. Ему около тридцати, его можно назвать привлекательным, но и заносчивым тоже. Есть в его внешности спесивая нотка, которая бросается в глаза из-за идеального костюма и холодного взгляда. Будь он девушкой, я бы назвала его фарфоровой куклой. Ну а так обычный павлин.

– Я звоню своей сестре, – решительно отрезаю и нажимаю зеленую кнопку вызова на дисплее. – Она тоже юрист, и я хочу видеть ее здесь как можно быстрее.

Лизу не надо поторапливать. Хватает одной фразы. Я говорю ей, что “фотография, которую она кидала мне утром, неожиданно материализовалась и явилась ко мне в квартиру на собственных ногах”, и на том конце повисает пораженная пауза. Ну же, Лиза, думай! Мне нельзя никому рассказывать о визите Константинова, поэтому я использую шифр для пятилетних и надеюсь, что сестра не начнет восторженно верещать прямо в трубку.

– Через пятнадцать минут буду, – заявляет Лиза вскоре.

Приезжает она вовсе через двенадцать. С порога округляет глаза и тычет пальцем себе за спину.

– Да, – киваю ей, – у меня теперь появилась охрана.

Я провожаю ее в гостиную и знакомлю с Германом. Быстро обрисовываю ситуацию и показываю на кипу бумаг, которыми завалили мой стол. Пока два юриста находят общий язык, я поворачиваюсь к столешнице и занимаюсь завтраком.

Ставлю чашки с кофе на стол, не забывая о Германе, хотя он ни черта не заслужил. Рядом располагаю тарелку с бутербродами и подхожу ближе к сестре. Она заметно хмурится, собирая морщинку на переносице, пока читает строчки, и то и дело поднимает вопрошающий взгляд на Германа. Тот лишь кивает. Сестра же нервно слатывает и вновь утыкается в текст.

– Мне нужно поговорить с сестрой наедине, – произносит Лиза, когда откладывает последний листок.

– Хорошо. Только оставьте сотовые на столе, пожалуйста.

– Пожалуйста, – я повторяю за Германом и не могу сдержать издевательскую фразу. – На какое-то определенное место положить или можно куда угодно?

– Куда угодно, – Герман сохраняет железобетонное спокойствие. – И спасибо за кофе, он чудесный.

– Для вас старалась.

Герман кивает еще раз, а сестра уже подталкивает меня на выход. Она берет меня под руку и ведет в спальню, дверь которой захлопывает за нашими спинами.

– Капец, Светик, – выдыхает она и оседает на кровать.

– Это твоя профессиональная оценка?

– Все серьезно, ты понимаешь? Это настоящий договор, никакой не розыгрыш...

– И что в нем? Не томи.

– Ты будешь должна заключить с ним брак, поддерживать имидж преданной и заботливой жены, ездить с ним в командировки и отпуска, сопровождать на встречах и выходах в свет, давать интервью, заучив правильные ответы, участвовать в фотосессиях... Там каждый шаг прописан. И ты не имеешь права заикнуться о фиктивности вашего брака. После подписания договора тебе выдадут что-то вроде легенды. Ты должна будешь запомнить, как именно вы познакомились. Если вздумаешь нарушить этот пункт, тебе будет грозить уголовная ответственность.

– Ох.

– С остальным проще. Ты имеешь право обсуждать график и просить выходной.

– Выходной от брака?

– Ага, – она кивает со смешком, – от Константинова. Правда, тут тоже есть один нюанс.

– Какой?

– Никаких других мужчин. Вообще никаких.

– А говорят, бизнесмены любят конкуренцию.

Я тоже сажусь рядом с сестрой, обессиленно выдыхаю и смотрю слепым взглядом на стенку напротив. Я потеряна и никак не могу собраться с мыслями, у меня чувство, словно планета сошла с оси и делает бешеные кульбиты, из-за чего я парю в невесомости и не чувствую под ногами твердую землю.

– Значит, ему нужна жена как ширма? Для прессы? Имиджа?

– Что-то такое, – Лиза соглашается и протягивает ко мне ладонь, поглаживает мое плечо, успокаивая, и всем видом показывает: прорвемся. – Но договор чистый.

– Что это значит?

– Без второго дна и звездочек мелким шрифтом. Четко прописаны должностные требования, суммы и сроки.

– Ах да! Сроки! Какие они там?

– Свадьба через две недели, а сам брак продлится три месяца. Также оговорена возможность продлить его еще на три месяца.

– То есть полгода – это максимум?

– Да. Он обязан дать тебе развод и закрыть все финансовые обязательства перед тобой. Ты видела, какие деньги он предлагает?!

– Да, он уже похвастался.

– Его компания будет платить тебе каждую неделю, тебя устроят в один из его фондов, и все суммы будут проходить легально. А ты к тому же станешь лицом этого фонда. Этим многие жены богачей занимаются, будешь на Бентли развезать и по красивым выставкам ходить, устраивать благотворительные вечера и с высшим светом общаться.

– Мне что-то страшно, Лизка.

– А ты подумай, что упустишь? – Сестра поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза. – С тобой когда-нибудь происходило подобное? Или со знакомыми?

– Ты сама знаешь ответ.

– Вот именно! Его все знают. Это как звезда, которая с неба свалилась прямиком в ладошку. Да, есть шанс обжечься, но шанс чуда тоже никто не отменял.

Я молчу, пытаюсь собрать все факты воедино. Меня успокаивает, что сестра не нашла ничего опасного в договоре, кроме ответственности за разглашение. Но это всего лишь надо держать язык за зубами. А остальное... Нужно полгода максимум побыть супругой одного из самых богатых мужчин страны. Если не мира.

– Я же не должна буду... – я запинаясь, смущаясь, – исполнять супружеский долг?

– Боже, не раскатывай губу, – издевается сестра. – У вас будут скучные деловые отношения, никакой искры.

Ох, не видела она этого Константинова в жизни. И не видела, как я не могу удержаться и начинаю препираться с ним. Там столько искр.

– Я бы рискнула, – добавляет сестра. – У тебя появился шанс увидеть другую жизнь, Светик. Совершенно другую, как из сказки или телика. Неужели не любопытно?

Глава 3

Дело не в любопытстве. А в деньгах, как бы банально это ни звучало.

Я прикидываю порядок сумм, которые могу получить, и понимаю, что запросто выплачу наши с сестрой ипотеки. Лизку бросил непутевый муж, оставив за спиной маленького ребенка и непогашенные долги. Поэтому она не понимает, как можно не использовать такой шанс. Она хочет верить в хорошее, как хочет этого человек, который устал видеть плохое.

Я соглашаюсь с ней и ставлю росчерки везде, где нужно. Потом вместе с сестрой иду собирать чемоданы, хотя внутри все равно сомневаюсь. Подписи поставила, а себя до конца не убедила.

Но меня живенько подгоняет шумная толпа под окнами. Рядом с подъездом разворачивается самый настоящий пресс-центр! Я осторожно выглядываю из-за жалюзи и наблюдаю, как подъезжают мини-фургоны с наклейками федеральных каналов. Они занимают все свободные карманы и едва не перекрывают единственную дорогу.

– Надо поторапливаться! – раздается громкий голос Германа из соседней комнаты. – Охрана говорит...

– Уже вижу, – кричу ему в ответ. – Мы собираемся.

Я закидываю в чемодан домашнюю пижаму и пытаюсь припомнить, что хотела достать из ящичков. Взгляд же то и дело уходит к окнам. Внизу уже туда-сюда мельтешат девушки с переносными микрофонами, тучные мужики с камерами воют за лучшую точку для съемки, а бабушки на лавочках поправляют прически, чтобы быть готовыми к интервью.

У кого-то звездный час, а для меня лишняя нервотрепка. Я хочу избежать интервью всеми силами, даже самой съемки, но это невозможно. У нас дом старой постройки, тут только одна дверь на каждый подъезд. Никаких черных ходов и специальных лазов для публичных людей.

– Всё так быстро происходит, – выдыхаю, ловя потрясенный взгляд сестры: она тоже не ожидала, что пресса появится как черт из табакерки. – Вот зачем Константинов растрепал всем? Почему сперва не договорился со мной, а потом уж показывал мою фотографию?

– Кто разберет этих богачей. – Сестра лишь пожимает плечами.

А меня всё больше гложут заданные вопросы. Я впервые об этом задумываюсь из-за спешки. Ведь сам Константинов, считай, устроил ее... Но зачем? Зачем ему вообще было рисковать? Он же бизнесмен, должен всё просчитывать на шаг вперед, а не играть в русскую рулетку. А если бы я отказала, или заупрямилась, или оказалась неадекватной и сама бы побежала к журналистам? Или вот сейчас бы открыла окно и закричала под камеры: "Помогите! Насильно берут замуж!"

– Все-таки странный он, – говорю сестре. – Может, импульсивный, конечно.

– Может.

– Или я чего-то не знаю.

Какую цель Константинов вообще преследует? Он сказал, что мне не нужно знать, зачем ему понадобился фиктивный брак. Но почему именно со мной? И почему так внезапно и стремительно?

Я отмахиваюсь, чтобы не передумать. Да и сидеть в доме, который осажден телекамерами, совершенно не хочется. Я защелкиваю чемодан и подхватываю его с кровати. Лиза берет второй. Мы выходим в гостиную, где к Герману уже присоединилась миловидная брюнетка. Она не представляется, но протягивает мне большие солнцезащитные очки.

– В них будет проще, – говорит она серьезным тоном. – Не давайте никаких комментариев, когда будете выходить. Журналисты обступят вас со всех сторон и начнут задавать вопросы. Один за другим, перебивая друг друга. Будет шумно, могут толкаться, не обращайтесь

внимания, просто идите за охраной и держите меня в поле зрения. Я буду идти впереди и провожу вас к машине.

Брюнетка кивает куда-то в сторону и указывает на мои чемоданы.

– Чемоданы сейчас заберут, – добавляет она. – Охрана прихватит.

– Отлично.

– Только вам нужно будет переодеться. Этот наряд не годится. – Она морщится, бросая на меня оценивающий взгляд. – К счастью, я подготовила комплект.

Она разворачивается на высоких каблуках и подходит к дивану, на котором я замечаю телесный чехол для одежды. На нем жирными буквами написано название крутого бренда.

– А что не так с моей одеждой? – У меня чувство, будто меня оскорбили, я выбрала брючный костюм и достала лучшую блузку.

Брюнетка оборачивается через плечо, следом переводит взгляд на Германа, который как будто должен был мне объяснить ситуацию, чтобы таких моментов не возникало. Я вижу это по ее недовольному виду и по тому, как Герман виновато закусывает нижнюю губу.

– Светлана Сергеевна, давайте вы мне доверитесь, – брюнетка справляется с собой и обращается ко мне медовым голосом. – Нас сейчас сильно поджимает время, я прошу вас всего лишь сменить костюм. Мы потом обсудим ваш гардероб и придем к компромиссу.

– И прическу тоже?

– И макияж, и даже вес. – Она кивает. – Таков договор.

Каждый шаг. Как и предупреждала сестра.

Только я бы сейчас уточнила: каждый сантиметр моего тела. Да, Константинов не будет ко мне прикасаться, но мой внешний вид слепят на его вкус. Хорошо, сестра вовремя спохватилась и уточнила момент с пластическими операциями. Мы записали их невозможность отдельным пунктом. Но под пристальным и немигающим взглядом брюнетки я начинаю сомневаться.

Вдруг мы все-таки что-то упустили с сестрой?

– Господин Константинов уже ждет вас, Светлана Сергеевна, – нажимает брюнетка, поглядывая на экран своего сотового. – Пожалуйста, переоденьтесь, и мы поедем.

Я сдаюсь и иду в ванную. Впервые в жизни надеваю брендовую одежду, но не испытываю никакого трепета. Я вообще равнодушна к маркам, но уже чувствую, что вот-вот окажусь в мире тяжелой роскоши. Уже стою на ее пороге... Ведь внизу дежурят журналисты, вокруг толпятся охранники и помощники, а особняк миллиардера готов распахнуть свои ворота.

– Прекрасно. – Брюнетка оглядывает меня, когда я возвращаюсь в комнату.

Она остается довольна. Спорить нет смысла, она действительно знает толк. Нежно-розовый костюм идеально подошел к моей светлой коже и волосам, и с размером она угадала, что уже откровенно меня пугает. Меня словно под лупой рассматривали и успели подготовить отчет по моей внешности. Не удивлюсь, если эта женщина лучше меня знает, что красит мою фигуру, а что нужно обходить стороной.

– Мы готовы, – кивает женщина.

Мы длинной вереницей выходим из квартиры. Вперед выступают двое охранников, но к ним прибавляются еще двое, когда мы спускаемся на первый этаж на лифте. В плотном кольце мужской силы я выхожу из подъезда, поправляю очки, которые закрывают половину моего лица, и смотрю на спину брюнетки. Как ориентир.

И он, черт возьми, оказывается необходим в этом океане безумия! Стоит стальной двери распахнуться, как на нас накатывает волна людей с микрофонами и камерами. Я инстинктивно пригибаюсь и даже наталкиваюсь на одного из охранников. Он помогает мне устоять на ногах и поддавливает толпу, чтобы дали дорогу.

– Без комментариев, – деловито сообщает брюнетка. – Без комментариев.

Но журналистов это не останавливает, на меня градом сыпятся щелчки фотозатворов и громкие хлесткие вопросы.

- Господин Константинов предложил вам брачный контракт?
- Вы виделись с его первой женой?
- Почему она вдруг дала показания против него?
- Она врет, по-вашему?
- Вы готовы простить его, если это окажется правдой?

Передо мной распаивается дверца огромного внедорожника, и я запрыгиваю на заднее сиденье. Авто тут же трогается, покидая двор вместе с шумом папарацци. Я снимаю солнцезащитные очки и пытаюсь прийти в себя после всех вопросов журналистов. Их было так много, и так громко, что в голове стоит протяжный гул. Или даже вой.

Как знаменитости живут в таком кошмаре? К нему можно привыкнуть? Все толкаются, кричат, норовят подsunуть диктофон под нос. А ты проникаешься ненавистью ко всему человечеству даже быстрее, чем на кассе в субботний вечер в супермаркете.

Ужас.

И о чем меня спрашивали?

Константинов уже был женат?

У них тоже был брачный контракт?

Но брак, судя по всему, сильно не задался, если бывшая выдвигает ему какие-то обвинения. Уточнить, что за обвинения, не у кого. Я нахожусь на заднем сиденье одна, спереди же сидят двое мужчин в черных костюмах. Водитель и охранник. Оба сосредоточенно молчат.

– Черт! – коротко вскрикиваю, проверяя карманы нового пиджака. – А где мой... Ну нет, нет... Я оставила сотовый дома.

Мужчины по-прежнему не реагируют. Как роботы, честное слово. Я все же предпринимаю попытку растормозить их и наклоняюсь между кресел.

– Я забыла телефон, – произношу уверенно. – Нам нужно повернуть...

– Вам выдадут новый, Светлана Сергеевна.

– Нет, я хочу свой.

– Вы можете пострадать, если придется резко тормозить. – Охранник протягивает широченную ладонь и показывает, что мне стоит вернуться на место. – А ваше здоровье и безопасность – это моя работа.

– Как же я польщена, – злобно выдыхаю.

Делать все равно нечего. Не драться же с ним.

Я откидываюсь на спинку и собираю руки в замок. Оборачиваюсь назад и замечаю еще один внедорожник охраны. В голове не укладывается, сколько людей работает на Константинова. Как винтики огромной отлаженной машины. И ведь с каждым, как со мной, заключен свой подробный договор. Не хочется думать о себе как о винтике, но с каждой секундой в мире Константинова становится ясно, что резьба здесь тугая. Так просто не соскочишь.

– Нам долго ехать?

– Час, – бросает охранник.

Дорога занимает больше часа, мы покидаем город и направляемся в сторону элитных поселков. Один из них встречает нас глухим кирпичным забором и будкой с пропускной системой. Оба внедорожника ныряют под шлагбаум, поворачивают направо и подъезжают к главному входу двухэтажного коттеджа.

– Как дорога? – с фальшивой учтивостью интересуется брюнетка, распахнув для меня дверцу. – Пойдемте, я провожу вас.

– Что это за дом?

– Загородный. – Женщина смотрит на меня как на идиотку, словно я спросила, сколько будет два плюс два. – Вы проведете здесь всего несколько дней. Господин Константинов живет в другом доме, а тут удобно провести подготовку.

– Подготовку?

– Всегда сбегать от прессы не получится, да и мы не собираемся вас прятать. Наоборот, вы должны уверенно держаться перед камерой и четко понимать, что и как нужно говорить. Ну и стиль с манерами надо подправить.

Она не удерживается и колет меня надменной шпилькой.

– О чем говорили журналисты? Я что-то услышала о его жене и обвинениях...

– Да, я тоже слышала вопросы.

Женщина берет паузу, явно размышляя, что стоит мне рассказать, а что нет. Бросает на меня скептический взгляд, за который ее хочется придушить, но все же продолжает:

– Господин Константинов был женат пять лет назад. Разводились они полюбовно и без суда, поэтому никаких некрасивых историй с дележкой имущества не было. Общих детей у них тоже нет, Максим Викторович не поддерживал связь с бывшей женой. И удивлен ее появлением не меньше...

У женщины вспыхивает экран сотового, и она отвлекается на переписку. Очень важную, судя по всему. Ее никак нельзя отложить, так что она нагло игнорирует мои акцентированные выдохи. Тогда я протягиваю ладонь и просто-напросто вытаскиваю сотовый из ее рук.

Брюнетка смотрит на меня так, будто я заодно стянула с ее кисти все золотые украшения.

– С женой разобрались, – я киваю, – а какие обвинения?

– Светлана Сергеевна, отдайте мой телефон.

Она останавливается посреди дорожки из серого камня и встряхивает ладонью.

– Я ее бил! – мужской бас расходится по всему пространству и оглушает зашкаливающим градусом злости. – За волосы таскал и об стенки швырял! Инна, ты это слышала?! Только что показали!

– Максим Викторович, – брюнетка вмиг забывает обо мне и бросается к боссу, – мы это уладим, я уже разговаривала с Андрюшей, он может взять в эфир ваше...

Константинов бросает на нее ледяной взгляд, и женщина замолкает. Я же не могу отвести глаза от разъяренного лица Максима Викторовича. От того самодовольного бизнесмена с офисами во всех столицах мира не осталось ни следа, под натянутой кожей ходят желваки, а в глазах мерцают огненные вспышки. Константинов стоит на верхней ступеньке крыльца и то и дело сжимает и разжимает кулаки.

– Я ее бил, – повторяет он уже другим голосом, упавшим и едва различимым, гнев сходит с его волевого лица, и остается лишь усталость, или даже глухое разочарование. – Найди, кто это придумал. Кто работает с ней и пишет ей этот вздор!

Он снова заводится, но короткой вспышкой. Константинов резко разворачивается и идет назад в дом.

– Вот какие обвинения, – произносит Инна. – Его бывшая жена собралась посетить все ток-шоу страны и заодно написать мемуары.

Я стою ошеломленная. Женщина вытягивает из моей ладони свой сотовый и дает мне еще пару секунд. После чего показывает, что пора идти в дом.

– Он отходчивый, – добавляет она, замечая, что я не решаюсь сделать шаг. – Может сломать что-то, конечно, но такая сцена – это редкость. Его сейчас просто со всех сторон давят.

Глава 4

Инна проводит меня внутрь дома и сразу направляет в столовую. Я не успеваю толком осмотреться и вслед за помощницей поворачиваю к большому овальному столу. Над ним покачиваются люстры на длинных нитях и создают легкое приятное свечение.

– Нужно сделать пару свежих снимков, – произносит Инна, успевая предугадать мои вопросы. – Я посмотрели ваши профили в соцсетях, там очень мало фотографий.

Она проходит к окну и поправляет шторы, словно уже делает всё, чтобы кадр получился совершенным.

– Я не люблю фотографироваться.

– А я не люблю слушать “я не люблю”, – язвит она, но тут же меняется в лице.

Она по одному постукивающему звуку ботинок понимает, кто идет. Порывисто оборачивается и начинает говорить совсем другим голосом. Деловым, но по-женски мягким.

– Максим Викторович, Стас сейчас подойдет. Буквально пару снимков. Я знаю, как вы это не любите...

– Ненавижу, – зло бросает Константинов.

Черт, он до сих пор не в духе.

Я инстинктивно делаю шаг назад. От мужчины идет тяжелая энергетика, из-за чего хочется держать дистанцию. Тем более он грубо кричал несколько минут назад, а моя нервная система пока не пришла в норму. Если он продолжит в том же духе, я поверю всему, что рассказывает о нем бывшая жена. Да и вообще, откуда мне знать, кто здесь говорит правду?!

Может, меня держат за наивную идиотку, которую вслепую используют в своих схемах. Константинов вполне может оказаться домашним тираном, а я здесь, чтобы поправить его репутацию. Кто-нибудь из его штаба бросил идею, что неплохо бы заделаться идеальным супругом и таким образом отразить все грязные атаки конкурентов.

Идеально же?

Нет. Не сходитя. Константинов мог нанять профессиональную актрису или найти кого-то из своего окружения. У богатых влиятельных мужчин не бывает нехватки в невестах, он бы за секунду нашел, кого осчастливить обручальным кольцом. И не пришлось бы тратить время на мою “подготовку”, как это называет Инна.

– Куда мне встать? – хмуро спрашивает Константинов.

Он вдруг замечает меня и задерживается тяжелым взглядом на моем лице. Потом опускает глаза на мои ладони, которыми я зачем-то держусь за край стола.

Черт, он прекрасно видит, что я разнервничалась.

– Рядом со Светланой, – отвечает брюнетка. – Ох, Стас! Наконец-то! Нам пришлось ждать тебя!

В комнату входит высокий парень в вытянутой футболке, через шею у него переброшен фотоаппарат, а сзади идет помощница со светоотражателями. Я теряю ее из вида, потому что Константинов вдруг делает шаг навстречу. Я сперва отшатываюсь от него и только потом понимаю, как глупо это выглядит со стороны.

Бровь Константинова ползет вверх.

– Вам плохо, Светлана? – спрашивает он.

– Нет, все в порядке...

– Не врите, я же вижу.

Он придвигается ближе, а я до боли закусываю нижнюю губу. Я отлично накрутила себя и чувствую, как убыстряется сердцебиение с каждым шагом мужчины. Утром же всё было нормально, он бесил меня, а не пугал. А теперь и дышать рядом с ним сложно.

– Вы посмотрели интервью моей бывшей?

Мотаю головой.

– А выглядите так, будто да. Я теперь отчетливо вижу, каким подонком выгляжу в дамских глазах. Даже отчеты помощников читать не надо, достаточно одного взгляд на ваше побледневшее лицо. Вы ей поверили, да? Я похож на человека, который может поднять руку на женщину?

– Я не знаю вас.

– Но верите в плохое, – он усмехается. – Уже жалеете, что подписали договор?

Он останавливается, подойдя вплотную. Я поздно замечаю это и пару мгновений смотрю на верхние пуговицы его светлой рубашки. Утром он был в другой. В яркой и сшитой для бармена на Ямайке.

– Мы перейдем на «ты», – произносит Константинов после паузы. – Пора привыкать друг к другу.

Почему-то это звучит почти зловеще. Я запрокидываю голову и смотрю в его синие глаза. В них океан и обещание шторма. Он злится, что я так реагирую на него, но сдерживается.

Константинов поворачивается к фотографу и показывает, что мы готовы.

– Отлично, – отзывается фотограф, он подгоняет свою помощницу и чуть сдвигается вправо. – Встаньте ближе друг к другу... Можете приобнять невесту, Максим Викторович...

– Кого? – я вспыхиваю. – Меня?

– Да, тебя. – Константинов вдруг вспоминает свою фирменную издевательскую улыбочку и понижает голос до хриплых вибраций.

Он без предупреждения протягивает ладони к моей талии, а пока я успеваю лишь упереться ему в грудь, притягивает к себе так крепко, что с моих губ слетает стон.

– Ты отталкиваешь меня и портишь композицию, – подтрунивает он, опуская глаза на мои пальцы на его груди. – Потрогаешь меня потом. Потерпи до первой брачной ночи, малышка.

Малышка?!

Он... он...

– Никакой первой брачной ночи, – шиплю в его самодовольное лицо. – И никакой малышки.

Я топаю ножкой – и прямиком по стопе Константинова. Специально хорошенько прикладываюсь, чтобы он перестал скалиться.

– Добавить?

– После фотосъемки. – Он коротко качает головой, намекая, что пора работать. – Можешь презирать меня и считать уродом, если так хочешь, но на камеру только нежность.

Он чуть ослабляет хватку и поворачивается лицом к камере. Мне же нужно еще пару мгновений, чтобы перестроиться. Я не верю, что у меня выйдет нормальное лицо, но надеюсь на мастерство фотографа. В любом случае я должна участвовать в съемках, это точно записано в договоре.

– Положите руку Максиму Викторовичу на плечо, – командует фотограф. – Повыше, еще...

Я осторожно крадусь по ткани пиджака и чувствую, как не могу никуда деться от грубоватого аромата туалетной воды Константинова. Мог бы подобрать и утонченнее, а не мучить девушку предельно маскулинными нотами. А еще он горячий, как картонный стаканчик с кофе в июле, от жара его крепкого тела просто-напросто не скрыться. Я напиткиваюсь им против воли и молю, чтобы у меня не вспотели ладони. И не покраснели щеки.

– Ближе, – напирает фотограф.

Константинов переносит ладонь на мою поясницу и прижимает к себе. Я невольно утыкаюсь подбородком в его широченную грудь и замечаю, как довольно улыбается фотограф. Ну хоть кто-то здесь отлично проводит время.

– Может быть, поднимете невесту на руки?

– Нет! – вскрикиваю и сама же ежусь от эха своего нервного голоса, которое расходится по огромному дому.

– Невеста боится высоты, – отзывается Константинов. – Я бы не отрывал ее туфельки от пола.

Он смотрит вниз и вглядывается в меня со странным коктейлем эмоций. Там и любопытство, и вызов, и укор, и отголоски недавней злости. Там столько всего, что мне никогда не разгадать. Я могу думать лишь о том, что это только первый день, только самое начало... сколько еще я узнаю об этом человеке?

Фотосессия продолжается еще полчаса.

Константинов скрипит зубами на каждое новое указание фотографа, но действует как настоящий профессионал. Он умеет изображать благодатную мину, когда просят, и умеет выглядеть так, словно только сошел с личной яхты. И плевать, что Константинов если откуда-то и сошел сейчас, так с телевизионных экранов, где полощут его грязное белье в прямом эфире.

Он отличный актер. И определенно привык закрываться ото всех маской благополучия. У него выходит это с пугающей легкостью, как головокружительный танец. Он играет уголками губ, меняя тональность улыбки от официальной до искренней, от легкой до невыносимо сексуальной, и искрит глазами. Им легко залюбоваться, но еще легче поймать шок. Ведь если бы я не видела его гневную вспышку из-за бывшей жены, то никогда бы не догадалась, что сейчас творится у него на душе.

Не хочется признаваться, но я беру с него пример. Тоже приглушаю эмоции и стараюсь делать то, что говорят. Поворачиваюсь, улыбаюсь, позволяю Максиму Викторовичу обнимать меня на правах будущего мужа.

– Нам завтра ехать на открытие фонда, – произносит Константинов между щелчками фотоаппарата. – Ты помнишь?

Конечно, я помню. Он самоуверенно заявил об этом в прихожей моей квартиры.

– Ох, боюсь, я еще не готова, – я изображаю печальный вздох и развожу руками. – Инна считает, что у меня проблемы с гардеробом и манерами.

Константинов щурит глаза и легонько усмехается.

– Стоит прислушаться к ней, – добавляю вполголоса. – Вдруг я опозорю тебя? Не так выйду из машины или скажу какие-нибудь глупости.

– Девушкам в розовом идут глупости.

– Но я слышала, в высшем свете нельзя повторяться. Меня сегодня снимают в розовом, завтра придется выбрать другой цвет. Еще подумают, что ты сэкономишь на своей избраннице.

– Я явно сэкономил на своем спокойствии, когда выбрал не девушку, а занозу в баре. – Жесткие губы Константинова трогает ироничная ухмылка.

– Так просто? – Я чувствую свой шанс хоть что-то узнать и, проигнорировав указание фотографа, поворачиваюсь к Константинову. – Ткнул пальцем в баре и выбрал?

– Да, именно. – Он кривится на мое “ткнул пальцем”. – Еще хотел сразу утащить в пещеру, но вспомнил о манерах.

– Но почему я? Там было очень много девушек... И красивее, и моложе меня.

– Да? – он наигранно удивляется. – Черт, в барах вечно ужасное освещение, легко промахнуться.

– Светлана! – резкий голос Инны заставляет встрепенуться и вспомнить, что кроме Константинова, будь он проклят со своим остроумием, в комнате есть еще люди. – Стас к кому обращается?

– Ой.

Я поворачиваюсь к фотографу, но Константинов опережает меня. Он уже понял задачу и садится на стул, утягивая меня следом. Я только делаю намек на сопротивление, как Констан-

тинов напирает сильнее и усаживает на себя. Ох! Давно мне не было так неудобно. Тем более Константинов приобнимает меня и кладет ладонь на мое бедро. Я нервно сглатываю и замираю как восковая фигурка, чтобы не ерзать.

Боже, на что я подписалась?

Я совершенно не подумала о таких мелочах.

Я подумала о пластических операциях, но не подумала, что мне придется сидеть на чужих коленях.

– Ты слишком зажата, – произносит Константинов. – Отомри, красавица.

– Замолчи, – я сейчас могу только шипеть на него. – Ради всего святого.

Он проводит носом, задевая прядки моих волос, и фотограф тут же делает скорострельную серию. Я же жалею, что она не автоматная и не в корпус Максима Викторовича.

– Тебе нужно привыкнуть ко мне, – продолжает Константинов. – Иначе ты будешь шараться от каждого моего неосторожного движения.

Он обхватывает мое запястье и мягко проводит подушечкой большого пальца по кругу. Медленно и томно, надавливая и обжигая. Я не выдерживаю и отнимаю руку.

– Мы можем уже закончить с этим? – Я смотрю ему в глаза и говорю ровным голосом. – Разве недостаточно снимков?

Константинов пару мгновений вглядывается в мое лицо, словно там спрятан важный для него шифр, а потом дает отмашку Стасу. Он выпускает меня из рук и внимательно наблюдает, как я вскакиваю на ноги и поправляю костюм, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Ты права, ты не готова.

Я поднимаю голову на его реплику, из-за которой у Инны случается маленький сердечный приступ и она уже берет побольше воздуха в легкие для протестов. Ведь нельзя срывать утвержденный график.

– Я завтра поеду один.

– Вы уверены, Максим Викторович? – Инна все же уличает момент и вступает в разговор. – Мы уже пообещали представить вашу невесту именно на открытии детского фонда. Это самое подходящее место, ваш будущий брак будет ассоциироваться с хорошим делом, благотворительностью...

– Нет, я хочу отложить, – уверенно произносит Константинов. – Я решил не уезжать сегодня, я тоже поживу в этом доме.

Что?

У меня округляются глаза.

– Вместе со Светланой. Нам стоит получше друг друга узнать. Пожить под одной крышей, побыть вместе.

– Я хочу перечитать договор, – бросаю поспешно.

Еще я хочу воды и свежего воздуха, чтобы не свалиться в обморок.

– Там есть пункт о совместном проживании, – отвечает Константинов.

– Но у нас же будут разные спальни? – я произношу мысли вслух, что случается со мной, когда я паникую.

А я паникую.

Я пытаюсь свыкнуться с мыслью, что фиктивный брак – это моя новая работа, а Константинов – мой ужасный босс. Но ведь от боссов отдыхают? Приходят домой и забывают об их существовании до следующего рабочего утра. А тут что?! Он будет круглосуточно рядом?

Инна будет меня дрессировать под требования высшего света, а господин большой босс приручать к своим горячим рукам?

Что-то сто тысяч уже не кажутся такими заоблачными деньгами.

– Ты хочешь одну спальню? – Константинов усмехается. – Я не планировал, но можно устроить.

Глава 5

Константинова уводит Герман, а я остаюсь с Инной. Брюнетка подходит ближе и проводит заточенным ноготком по столу рядом с моей ладонью.

– Вы разговариваете с Максимом Викторовичем неподобающим образом, – она выбирает учительский противный тон. – Лучше бросьте это, Светлана, пока не вошло в привычку.

– Простите?

– Вы слышали.

– Нет, Инна, это вы разговариваете со мной неподобающим тоном. Вы мне не классный руководитель и не мама.

– Откуда вам знать, как разговаривают мамы?

У меня перехватывает дыхание из-за ее жестокой насмешки, я не могу скрыть эмоции и беспомощно хватаю ртом воздух. Она бьет в мое слабое место, у нас с сестрой не было родителей, нас воспитывала бабушка, да и той уже нет. Я давно привыкла, что сестра и есть моя семья. Я, как старшая, пыталась заменить ей маму, но это же невозможно.

– Вот-вот, – кивает Инна с довольной улыбкой. – Говорите только на те темы, в которых понимаете. Помните свое место, а то будет очень больно падать. Вы только изображаете, что близки Максиму Викторовичу, на самом же деле между вами пропасть. Нет, если вы будете очень настойчивы, он проведет с вами пару ночей, он любвеобилен и иногда понижает планку.

Брюнетка очерчивает границу где-то на уровне своей талии и смотрит на меня с неприкрытой насмешкой. Я же чувствую смятение: я не привыкла, что мне в лицо плюют ядом, и в первые секунды теряюсь, как идиотка.

– Я отправляла поутру на такси девушек и попроше вас. Моделей, правда, но без надежд на подиумы Парижа и Милана. Как сказал сам Максим Викторович, в барах очень плохое освещение.

– Вы ревнуете? – я наконец проталкиваю слова через скованное горло. – Знаете, Инна, я сегодня внимательно изучу договор и проверю, могу я вам расцарапать лицо или нет.

Ее губы превращаются в прямую полоску. Ей не нравится, что я вздумала огрызаться, наверное, привыкла пугать одним своим внешним видом. Или, вернее, приближенностью к самому Максиму Викторовичу.

– Запомните свой график, – она переключается на деловые вопросы, достает из кармана пиджака сотовый и зачитывает мне строчки: – Сейчас вас заберет стилист и вы начнете работать над гардеробом. Это займет весь день. Если успеете, то сделаете первые пробы с визажистом. Потом можете отдыхать.

Она отрывает взгляд от экрана.

– Пока достаточно.

Она прожигает меня взглядом насквозь, и в этом взгляде я отчетливо читаю обещание войны.

Ну что ж... Не я ее объявляла.

И вообще, лучше думать о стилисте и платьях, понервничать я всегда успею. Бояться Инну – только приятное ей делать. Не буду. К черту!

Я уже поворачиваю к входной двери, но вдруг оказывается, что никуда ехать не надо. Стилист уже здесь и даже переделал в элитный бутик гостиную с камином. Она оформлена в охотничьем стиле, и фигурки диких животных смотрятся совершенно безумно рядом с вешалками, которые завалены брендовыми чехлами.

Их количество навеивает на меня тоску. Их десятки... Нет, сотни! Я только сейчас осознаю, сколько всего мне придется перемерить и сколько оборотов сделать вокруг оси перед зеркалом.

Высокий мужчина с еще более высокими скулами встречает меня рентгеновским взглядом. Он поднимает палец вверх и заставляет остановиться. Я замираю, едва шагнув в центр комнаты, а он плавно приближается и спускается взглядом по моему телу ниже. Меня никогда не рассматривали так жадно, будто я последняя баночка красной икры по скидке в пятьдесят процентов.

– Ясно, – заключает стилист. – Весы с тяжелым низом.

Что?

Нет у меня тяжелого низа.

И почему здесь всем надо меня оскорбить?

– Простите, не модель, – произношу с детской обидой, но ничего не могу с собой поделать. – Ноль надежд на подиумы Парижа и Милана.

– Что?

– Ничего. Похудеть не смогу, я и так последний месяц на диете. Это мой максимум... то есть минимум.

– Худеть не надо, – стилист отмахивается, будто я сказала глупость. – Для образа невесты идеальны платья. Они же идеальны для вашего типа фигуры.

– Боже, вы сказали “не надо худеть”? Вы первый человек в этом доме, кого я люблю.

Я улыбаюсь ему и замечаю озорной огонек в его зеленых глазах.

– Нет, Светлана, вы сейчас возненавидите меня. – Он указывает на вешалки с горой одежды, которую надо перемерить. – Но потом увидите свои фотографии с выходов в свет – и тогда точно полюбите.

Он не врет. Насчет возненавидите.

Первые два часа я сохраняю бодрость духа и обращаю внимание на бирки. Третий час впрыскивает в мою кровь безразличие, а вот после четвертого начинает подниматься критичный уровень раздражения. Устаешь от молний, пуговиц, каблуков и силуэтов, в которых лучше не дышать. Высокая мода создана не для жизни, а для любования отражением.

Но любоваться быстро надоедает, хочется опять жить, черт возьми. Я хоть немного отдыхаю, когда мы выбираем повседневные варианты, а вот вечерние платья – это проверка на стойкость.

К процессу вскоре присоединяется стилист, который прикладывает к моему лицу какие-то полоски и уходит в сторону. И так несколько раз. Потом он трогает мои волосы, задумчиво кривится и снова уходит.

– Меня же не побреют налысо? – спрашиваю у стилиста шепотом. – Это точно не подходит образу невесты.

– Только если не подберут крутые парики, – подшучивает мужчина.

– Черт.

Меня отпускают, когда за окном успеваешь стемнеть. Я забираю два комплекта в чехлах, на которых наклеены фотки Полароид с инструкцией, как именно нужно заправить блузку, как застегнуть пояс и сколько пуговиц оставить незастегнутыми.

Я поднимаюсь наверх, где мне показывают мою комнату. Я сбрасываю весь груз в кресло и иду в душ. Я не обращаю внимания на комнату, уже в ванной понимаю, что даже не скажу, какого цвета обои в спальне. Я получила слишком дикую порцию впечатлений, чтобы быть в состоянии воспринимать что-то еще новое.

Поэтому я игнорирую мраморно-позолоченную ванную и иду в душевую кабинку без вздохов пораженного видами туриста. Я наношу на тело мягкий гель с цитрусовым ароматом и ненадолго отвлекаюсь, забывая, где я и почему я.

– Ничего, Светик, – подбадриваю саму себя. – Обвыкнемся, может, даже во вкус войдем. С Инной разберемся, сейчас сестре позвоним и придумаем, что с ней делать.

После душа я набрасываю на плечи махровый белый халат, замечаю ряд баночек на стеклянной полке у зеркала и нахожу питательную маску. Быстренько наношу ее и прихватываю с собой полотенце, чтобы вытереть им потом маску. В ванную я уже не вернусь, сейчас дойду до кровати и рухну, как полагается после трудного рабочего дня.

Я открываю дверь, делаю шаг и коротко вскрикиваю.

– Ты с ума сошел?!

Константинов лежит на моей кровати, вытянувшись во весь рост и закинув ногу на ногу.

На нем домашняя пижама. Черный шелк в тонкую белую полоску. Элегантный, дорогой, идеальный... Не мужчина, а статный красавец, сошедший с рекламных страниц. Только вот почему на мою кровать?! Больше в огромном доме нигде не лежится?

А Константинов выглядит так, словно собрался спать. Занял правую сторону, скинул покрывало на пол и подбил под голову сразу три подушки.

– Погасишь свет, когда ляжешь? – лениво тянет он, бросая на меня короткий взгляд.

Короткий, правда, у него не получается. Он замечает маску с голубым оттенком на моем лице и нервно дергается, испугавшись, но через мгновение справляется с собой и снова выглядит невозмутимым. Он прикрывает глаза и всем видом показывает, что надумал ночевать именно здесь.

Я же смотрю на клавиши. Там столько кнопок с каждой стороны кровати, что можно включить/выключить любую лампочку в доме, и заодно завтрак в постель заказать. Но господин Большой Босс сам руку не протянет, он лучше распоряжение отдаст.

– Погашу. – Я киваю и делаю уверенный шаг в спальню. – Как только ты уйдешь.

– Уйдешь? – Он приоткрывает один глаз и смотрит на меня. – Я только пришел, милая. И чертовски устал, давай уже баиньки.

Он ласково улыбается мне, а в глазах откормленные чертята так и пляшут. Константинов выбрасывает правую ладонь и похлопывает по свободной стороне, приглашая. Его улыбка сразу становится другой – лукавой и с подтекстом.

– Не упрямясь...

– Константинов, ты шутишь с огнём. Я сейчас со злости сделаю какую-нибудь глупость, и виноват в ней будешь ты!

– Я родился мужиком, я всегда виноват. Я привык.

Ар-р-р-р!

– Ну и черт с тобой! Сладких снов!

Я злым шагом пересекаю комнату и подхватываю с кресла свою одежду. У меня нет сил препираться с ним и соревноваться в язвительности, я спать хочу! Забраться в мягкую постельку и забыться до следующего утра. Хоть чуть-чуть отдохнуть от этой избалованной физиономии!

Я направляюсь к двери, но Константинов вдруг поднимается на ноги и догоняет меня за мгновение. Это очень легко при его росте, один его шаг как три моих. Он вырастает передо мной неприступной стенкой и закрывает весь проход.

– Куда ты собралась?

– Здесь два этажа. Я найду где лечь, если тебе уж так приглянулась эта спальня.

– Черт, Света, может, уже хватит? Шутки хороши в меру. – Он взмахивает ладонью и запускает пальцы в свои жесткие волосы. – Иди в кровать. Я собираюсь спать, а не проверять, есть ли что-то под твоим халатом.

Он указывает на махровый халат, а я вдруг вспоминаю, что под ним как раз ничего. Я накрываю вырез ладонями и стягиваю ткань еще туже, на что Константинов изгибает бровь. Отлично, гад явно догадался, что белья на мне нет.

– Я не буду спать с тобой в одной кровати, – отрезаю.

– У нас скоро свадьба, ты помнишь?

– Ненастоящая.

– Для всех вокруг настоящая, – не отступает Константинов.

– Здесь можно не стараться, всем плевать, ночуем мы в одной комнате или нет.

– А в гостях? В поездке? Будем снимать два номера в отеле? Слышал, молодые супруги именно так и делают.

Он понижает голос и перестает колоть иголками превосходства. Константинов неожиданно звучит взвешенно и спокойно, чем сбивает меня с толку. У меня на языке крутится очередная шпилька в его адрес, а вставить ее некуда. Он даже смотрит иначе.

– Я устал, Света. Я не хочу давить на тебя и вспоминать контракт, но мне нужно, чтобы ты уяснила ситуацию. Раз и навсегда. Мы не играем в игру, не развлекаемся, не устраиваем театральную постановку. На кону моя репутация и мой бизнес. Я не собираюсь рисковать и давать шанс идиотским случайностям. Ничего подобного. – Он коротко качает головой. – Я привык всё контролировать.

– Я уже заметила.

– И привык приказывать тем, кому плачу деньги.

А мне он платит.

Константинов не произносит это вслух. И так очевидно.

– Поэтому мы будем жить как муж и жена. С этого дня. За одним только исключением. – Он переводит взгляд на вырез моего халата, намекая на очевидное. – Чем быстрее ты привыкнешь ко мне, тем лучше.

Он протягивает ладонь и касается моего плеча, перебирая крепкими пальцами. Я обмираю, теряясь под катком его темного напиряющего взгляда. Мне остается всего шажок до страха...

– Не надо, – выходит жалкий шепот, от которого мне самой противно.

– Перечитай договор, я имею право. Я не могу раздевать тебя и склонять к близости, но тактильный контакт возможен.

– Мне не по себе. – Я веду плечом. – Пожалуйста.

Константинов устало прикрывает глаза, но ладонь убирает.

– Я лягу на диване, – произносит он на выдохе.

После чего отступает в сторону и поворачивает к окну, рядом с которым расположен мягкий уголок. Константинов не идет за одеялом, а падает на диван прямо так. Я смотрю, как он подтягивает под голову небольшую декоративную подушку и вскоре замирает. Отключается буквально за секунду, как бывает, когда смертельно устал.

Я же стою в нерешительности, не зная, что мне делать. Прижимаю к груди чехлы с одеждой и чувствую, как покалывают пальцы острые углы фотокарточек Полароида.

– Сама подписала, – корю себя и подтягиваю чехлы повыше. – Сама дура.

Я проклиная себя, но решаю остаться в комнате, тем более чувствую, что тоже скоро усну. Глаза уже слипаются. Я подхожу к кровати и бросаю чехлы на правую сторону на случай вторжения Константинова. Они зашуршат, если он вернется в кровать.

Потом вновь ныряю в ванную комнату и надеваю белье и длинную тунику. Самую длинную, какую только нахожу на полке. Халат тоже оставляю и завязываю двойной узел. Когда возвращаюсь в спальню, слышу размеренное дыхание мужчины. К счастью, он не храпит, но присутствие чужого человека (и пусть он трижды записан в договоре как будущий муж!) напрягает. Но делать нечего, я иду к кровати и уже хочу гасить ночник, как замечаю под ногами фотографию. Она отклеилась от чехла. Я поднимаю ее с пола и забрасываю на тумбочку.

Стоп.

Фотография случайно ложится обратной стороной, и моему взгляду открывается ровный почерк. Чьей-то рукой написано две строчки.

“Вам нужно поговорить с его бывшей женой без посторонних.

Я могу это устроить”.
Чуть ниже указан номер телефона.

Глава 6

Мне так и не возвращают мой телефон, хотя я несколько раз прошу то Инну, то других помощников привезти его из моей квартиры. Или позволить сестре передать его. Но нет, мне выдают новенький телефон и напоминают пункты договора, которые строго запрещают обсуждать с кем-либо отношения с Константиновым.

Сам Константинов уезжает на открытие детского фонда, после следует еще пара неотложных встреч, и в первый день я вижу будущего супруга лишь к вечеру. Ритуал с общей ночевкой, где я лежу в двух слоях одежды на кровати, а он спит на диване, повторяется. Я понимаю, что рано или поздно ему это надоест и он найдет способ скинуть чехлы со второй половины кровати, чтобы занять ее собственным телом, но сама звать его в постель не тороплюсь.

Я вообще стараюсь его не трогать. Я абстрагируюсь и раз за разом напоминаю себе, что это моя работа. Всего лишь должность, за которую мне платят хорошие деньги. Сестра говорит то же самое, когда мы переписываемся в чате или созваниваемся, она подбадривает меня и советует не смотреть новости. Она вот совершила необдуманную ошибку и в первый звонок разговаривала со мной дрожащим голосом.

– Он же нормальный, да? – выпытывала она, беспокоясь. – Без агрессии?

– Боже, Лизка. Что там про него говорят?

– А ты не видела?

– Когда? Вчера весь день была примерка, а сегодня мне кинули расписание в шесть утра. У меня через двадцать минут ораторское мастерство.

– Ох, – сестра шумно выдыхает, – другим человеком вернешься.

– Если вернусь, – я подшучиваю, но сестра не разделяет моего черного юмора. – Прости... Я тоже немного нервничаю, он нормальный, но я не привыкла к таким людям. Видно, что он другой. Из другой жизни.

Я понижаю голос, запоздало понимая, что в данный момент как раз нарушаю чертов договор. Я делаю не что иное, как обсуждаю отношения с Константиновым с другим человеком. Юристам же плевать на сестринскую связь, когда невозможно ничего утаить.

Мы с Лизкой привыкли держаться друг за друга, и плевать, что мы совершенно не похожи внешне. Где-то случился генетический сбой, ну или сбой супружеской верности, и я вышла светловолосой милашкой с большими глазами, а Лизка получила темные жесткие волосы и резковатые, а если говорить совсем честно, стервозные черты. Нас вечно забавляют общие фотографии, на которых мы смотримся как дети от разных браков.

– Да и потом, он мой босс, – добавляю, переходя на шепот. – А эти люди редко бывают приятными.

– Это даже смешно, Светик. Ты ушла с работы и стала кондитером, чтобы не терпеть офисные порядки. Помнишь, как ты жаловалась на Антонину Сергеевну? Она требовала блузки идеально белого цвета, – сестра звонко цокает языком, – и никакой слоновой кости или кремового! Я как вчера помню, как ты со слезами на глазах показывала мне блузку, которую она раскритиковала.

– Я прикладывала к ней лист бумаги для печати. Они были одного цвета, Лиза!

Да, было.

– Не думаю, что Константинов переплюнет Антонину Сергеевну, – подбадривает сестра. – Главное, чтобы не приставал.

Константинов не пристает. На второй день он задерживается в загородном доме и у нас случается семейный завтрак. Спокойный и молчаливый, я сперва нервничаю, как на экзамене, а потом вспоминаю его слова, что нам нужно привыкнуть друг к другу. Поэтому сижу и привыкаю.

У нас даже не происходит разговора: Константинов сперва занят экономическими новостями, а потом перепиской в телефоне. Он хмурится и выглядит грозно и солидно. Я впервые вижу его в футболке и не могу не отметить завидную физическую форму. Мне не нравится, что он и под пиджаком идеальный, словно не достаточно быть ироничным, богатым и умным. Нет, он отточил мускулы до совершенства и в простой футболке выглядит как фитнес-тренер.

Я смотрю на него и не решаюсь заговорить о фотографии с неизвестным номером телефона. Что-то мешает мне, как внутренний барьер...

Я все-таки украдкой посмотрела отрывки из интервью его бывшей жены. Меня неприятно кольнуло, что у нас с ней оказались одного цвета волосы, только Ольга старше меня и худее. Она выглядит как модель, сухая и высокая, с минимальной жестикующей и холодным лицом. Но говорила она убедительно, не читала по бумажке или бросалась в наигранные истерики, заламывая руки.

Ничего подобного. Она вышла к камерам с официальным обращением и начала с того, что была вынуждена молчать пять лет, потому что финансово зависела от Константинова. Их связывал брачный контракт и куча дополнительных соглашений. Она смогла их оспорить только сейчас, когда у нее появился влиятельный покровитель, который не боится помочь ей в войне с бывшим мужем. Именно так она это назвала.

Войной.

Я захлопнула ноутбук, когда она начала описывать, как Константинов издевался над ней, и долго мерила комнату беспокойными шагами. Возвращалась к фотографии с телефоном и предложением поговорить с ней без посторонних. Только откуда мне знать, что это послание от нее? Вдруг это проверка? Или подстава? От той же Инны. Она точно не упустит возможности показать Константинову, какая я лживая и ненадежная особа. Не то что она, верная спутница и помощница.

– Иногда лучше ничего не делать, – я произнесла свое решение вслух, чтобы закрепить его.

И просто-напросто оставила фотографию на тумбочке. Я только перевернула ее обратно лицом и положила рядом остальные. Я же могла банально не заметить надпись на обороте? Могла. Так что я ничего не видела и не знаю. А то, что я заучила телефон наизусть, никак проверить нельзя. Мои мысли, к счастью, не контролируются договором. Могу хранить в них, что хочу.

На третий день намечается первый выход в свет. Мне делают макияж и наряжают в голубое платье, как куклу, выдают элегантный клатч и золотые украшения из коробочки с красной бархатной подложкой. А вот коробочка с туфлями задерживается, и ее обещают выдать чуть позже.

– Вот, – Инна выныривает прямо перед моим лицом и вдавливая мне в грудную клетку папку, – повторишь легенду. Где познакомились, где будет свадьба и так далее.

Этот текст мне скоро во сне будет приходить. Вместе с клацаньем печатной машинки. Я читала его раз двадцать и могу повторить слово в слово.

– Но мне сказали, что никакого интервью не будет. Просто пройтись под камерами с ним за руку.

– Да, – Инна кивает, – это первое крещение, Светлана, но повторить легенду никогда не будет лишним.

Она расплывается в фальшивой улыбке и заносит ладонь, чтобы поправить мой локон. Я не даюсь, отодвигаясь от брюнетки подальше.

– Удачное платье, – произносит Инна, не обращая внимания на мою холодность. – С туфлями будет вовсе идеально. Я распоряжусь, чтобы с ними поторопились. А то идти босиком дресс-код не позволит.

Она странно усмехается, и мне становится не по себе. Я не жду от этой женщины ничего хорошего, и только мысль, что она, как и я, работает на Константинова, а значит, у нас общая цель, чуть успокаивает.

– Машина подана, – добавляет Инна, получив сообщение на сотовый. – За мной, Светлана.

Мы сворачиваем в коридор, где снуют бесконечные помощники и охранники. Я уже привыкла к мельтешению людей, больше половины которых не знаю по именам, и не удивляюсь, как в первый день.

– Светлана.

Я реагирую на низкий голос Константинова. У его голоса, кстати, тоже бархатная подложка. Константинов умеет укрывать приятными интонациями, как теплым пледом, а иногда, наоборот, колется и поддевает. Мне становится легче, что он решил быть галантным в мой первый раз, и я с благодарностью приобнимаю его за локоть.

– Отличное платье, – произносит он вполголоса, что придает обычному комплименту интимное послевкусие. – И ты прекрасна.

– Ты пытаешься успокоить меня?

– Расслабь. – Константинов легонько улыбается.

Он одним взглядом отгоняет охранника и сам открывает дверцу черного внедорожника для меня. Я поправляю юбку, которая вдруг кажется мне короткой. Ведь я сижу, а Константинов вот-вот сядет и будет рядом как минимум полчаса.

– Светлана, – через окно меня зовет Инна. – Туфли.

Она передает их мне и переводит взгляд на Максима, который уже запрыгнул в салон.

– Мы немного опаздываем, – сообщает она боссу. – Я сказала водителю, чтобы он нагнал.

– Отлично, Инна.

– Удачи. – Она обворожительно улыбается Константинову и даже не смотрит в мою сторону. – Всё должно пройти идеально. Первый выход – это первое впечатление.

– А оно самое главное, – заканчиваю банальность за нее.

После чего нажимаю кнопку и отсекаю Инну тонированным стеклом.

Машина трогается, я открываю коробку и вижу туфельки на среднем каблуке телесного цвета. Они восхитительны и смотрятся вполне удобными. Вечер точно продержусь.

– Помочь? – Константинов закусывает нижнюю губу и хитро смотрит на туфельки. – У меня нежные руки.

– У меня тоже. Справлюсь.

Когда мы уже подъезжаем к месту, я поворачиваюсь к Константинову спиной и подтягиваю ноги на сиденье. Надеваю туфли и сразу же чувствую неладное. Слишком тесно и жестко... Черт! Меня откидывает назад, когда водитель закладывает резкий поворот на парковке. Слышится протяжный звук клаксона, такой противный, что идеально подходит моменту.

Лучше мелодию не придумать, ведь я падаю на бедра Константинова и вижу его развеселый, довольный взгляд. Он смотрит на меня сверху вниз и приподнимает руки, показывая, что я всё сама. Он ничего не делал. Он же сегодня образцовый джентльмен в шикарном костюме.

Мне же не до шуток. Стоит чуть отдышаться от неловкого падения, как я закрываю лицо ладонями и почти плачу. Туфли мне ужасно малы, стопы сдавливаются тисками и с каждой секундой становится больнее и больнее!

Глава 7

Я едва успеваю разогнуться и поправить платье, как дверь машины распахивается. Я быстро провожу пальцами под глазами, поправляя макияж, беру с сиденья клатч и изображаю непринужденную улыбку высокому мужчине в темно-голубом пиджаке. Не уверена, что улыбка выходит непринужденной, но посмотреться в зеркало времени нет. Нас уже встречают, а сзади напирает следующая машина с приглашенными гостями.

Служащий протягивает мне ладонь в бархатной перчатке и помогает выбраться из авто. Я делаю шаг, сжимаю зубы до скрежета и бесшумно шиплю. Хотя хочется ругаться матом! Я сейчас очень и очень далека от образа нежной невесты, внутри меня клокочет злость, обида и желание сорвать туфли к черту! Швырнуть их подальше и желательно достать до машины сопровождения, в которой должна ехать Инна.

– Спасибо, – Константинов благодарит служащего и берет меня под руку, чтобы повести дальше.

А дальше ковровая дорожка, которая кажется бесконечной. Мы должны сделать проход по ней, потом остановиться у стенда с рекламными лейблами и поулыбаться для фотографов. Их вопросы разрешено игнорировать, что немного облегчает задачу. Но мне уже дурно, я послушно делаю шаг вслед за Константиновым и почти повисаю на его локте. Мне было больно, когда я сидела, а теперь вовсе невыносимо. Давит, режет и колет одновременно. Не туфли, а справочник всех видов болей! Попробуй всё и сразу!

– Что с тобой? – спрашивает Константинов вполголоса, а сам уже заносит руку, чтобы вальяжно поприветствовать папарацци.

– Туфли, – цежу сквозь зубы. – Слишком удобные.

Я делаю еще шаг и еще, а потом вхожу в злой раж и решаю вытерпеть это до конца во что бы то ни стало. Потом я разберусь с Инной и с Константиновым поговорю, но сейчас я отработаю чертову ковровую дорожку, как записано в моем контракте.

Константинов накрывает мою ладонь своей и подводит к стенду, где нужно остановиться и попозировать. Он задает “танец” и помогает мне выбрать правильное положение. То одно, то другое. За ним легко следовать, как за опытным игроком, я обхватываю его ладонь крепче и мысленно благодарю, когда он приобнимает меня за талию и почти отрывает от пола.

Я блаженно выдыхаю, когда становится легче в сильных мужских руках, и Константинов это замечает. Он переводит внимательный взгляд на мое лицо и прочитывает его с легкостью. Он видит, что я держу лицо, а сама готова расплакаться.

– Как давно вы встречаетесь? – выкрикивают из толпы фотографов. – Вы уже показали невесте дом в Лючане? Как вам, Светлана? Уже привыкли к роскошной жизни?

Щелчки фотозатворов и ослепляющие вспышки кажутся волной, затяжной и ненасытной. Я улыбаюсь через боль и переплетаю пальцы с Константиновым, чтобы он даже не думал убирать руку с моей талии. Он и не думает, он держит меня на весу, прижимая боком к своему стальному корпусу, и продолжает то обворожительно, то иронично улыбаться на камеру.

– Вы виделись с бывшей женой Константинова? – не унимаются фотографы. – Она заявила, что хочет пообщаться с вами. Вы согласны на очную ставку в прямом эфире?

– Достаточно. – Откуда-то выныривает девушка с пропуском, который болтается на длинном шнурке, и взмахом ладони показывает, что наступило время следующих гостей.

Я вдруг понимаю, что снова придется идти, и теряю весь бойцовский запал в мгновение. Сама не замечаю, как утыкаюсь лбом в плечо Константинова, словно хочу спрятаться ото всех, как маленький ребенок.

– Милая, – слишком громко произносит Константинов, – мы еще не одни.

Он усмехается, поддразнивая толпу фотографов, которым хочется получить горячие кадры, вдруг подхватывает меня на руки, изображая внезапный прилив чувств, и целует в губы. Обжигает сперва горячим дыханием, а потом самым прикосновением. Откровенным, по-мужски уверенным и терпким. Поцелуй Константинова распускается на моей коже и смешивает столько эмоций в груди, что даже боль на мгновение отступает на второй план.

– Дыши, – шепчет Константинов с усмешкой, отрываясь от меня. – Если ты сейчас потеряешь сознание от восторга, все подумают, что ты беременна.

Он порывисто разворачивается и уносит меня. Я считаю каждый его шаг и жду, когда мы окажемся там, где нет посторонних.

– Так больно? – спрашивает Константинов, поворачивая к служебным дверям.

Я киваю. За нами уже стучат шаги охраны.

– Никого не пускай, – приказывает Константинов и заносит меня внутрь.

Мы оказываемся в квадратной комнате, стены которой выложены сероватым кафелем. Выглядит как ресторанный кухня, стоят металлические столы, а сверху нависают массивные вытяжки.

– Сними их с меня, сними, – умоляю и сама же тянусь к проклятым туфлям.

Константинов оказывается ловчее. Он за секунду усаживает меня на стол и обхватывает лодыжку. В его крупных руках вдруг просыпается столько нежности, что я разгибаюсь и больше не стараюсь сделать всё самостоятельно.

– Только осторожно, – шепчу, зажмуриваясь. – Пожалуйста. Мне очень больно.

Он поддевает первую туфельку и сдергивает ее прочь. Прodelывает то же самое со второй и заслуживает мой облегченный стон. Теперь мне хочется плакать от счастья, стопы по-прежнему болезненно покалывает, но я чувствую, как с каждой секундой боль притупляется. По миллиметру, но отступает.

– Я найду полотенце, – бросает Константинов хмуро.

– Зачем?

Мужчина не отвечает. Молча стаскивает с крючка полотенце, подставляет под кран и возвращается ко мне. Боже... Махровая ткань напиталась холодом и мгновенно вводит меня в транс целебным эффектом. Я утыкаюсь лицом в коленки и жду, когда мне совсем полегчает. Константинов, к счастью, дает мне время, он спокойно стоит рядом и тоже ждет. Правда, руки не убирает, как укрыл мои ноги полотенцем, так и оставил длинные крепкие пальцы на моих лодыжках.

– Коробку с туфлями дала Инна, да? – спрашивает он.

– Ты же сам видел. Она передала коробку в последний момент.

– У тебя с ней проблемы? – Константинов хмурится и выглядит озадаченным. – С Инной?

– У меня с ней – нет. – Я пожимаю плечами. – Но она меня невзлюбила за что-то. Может, ревнует?

– Ко мне? Не замечал, – он берет короткую паузу, о чем-то раздумывая. – Я разберусь, чтобы такого не повторилось.

Я смотрю на Константинова и чуть отклоняюсь назад, чтобы было чем дышать. Наши лица слишком близко, можно подумать, он снова надумал меня целовать. А я не хочу возводить это в привычку.

– Боишься, что снова поцелую? – Гад с легкостью читает мои мысли и усмехается. – Тебе не понравилось?

– Мне в тот момент всё понравилось. Лишь бы не стоять на своих ногах.

Константинов щурит глаза, смотря на меня с хитринкой. Я же опускаю взгляд на его руки, которые он забыл на моем теле. Я непроизвольно закусываю нижнюю губу и слишком шумно выдыхаю. Мне неловко, но в то же время приятно. Пытаюсь отрицать свои эмоции всеми силами, но выходит так себе.

Да и как?

Константинов умеет дотрагиваться до женского тела, это, черт возьми, очевидно. Опыт, сила и порочное обещание в каждом миллиметре соприкосновения наших тел. Он даже не нажимает пальцами, а я все равно ощущаю непоколебимую мужскую уверенность. Как тягучий морок... Мне на ум, помимо моей воли, приходят мысли, что он умеет укрощать и приручать, умеет сражаться с женскими капризами и ловко обходить все защиты, он не спорит и не пытается убедить на словах, он действует по-другому.

Тоньше и летальнее.

Как сейчас. Он молчит, а я думаю о его руках.

– Полотенце можно снимать, – бросаю поспешно.

Мне нужно уже отвлечься и перестать думать об умениях Константинова. Я наклоняюсь вперед и откидываю полотенце, после чего спускаю ноги. Константинов не останавливает меня, но делает шаг. Он встает прямо передо мной и едва не надавливает корпусом на мою грудь. Вот зачем он? Будто непонятно, что я, наоборот, ищу вежливую дистанцию. Мы отыграли роль любовников перед камерами, за закрытыми дверями можно и тайм-аут взять.

– Ты давишь, Константинов, – говорю прямо, вздергивая подбородок. – Сделай, пожалуйста, шаг назад.

– Тебе неудобно?

– Да. Именно.

– Потому что противен? Или, наоборот, чертовски привлекателен? Уже боишься увлечься?

Ах, он...

– Выбери вариант за меня, только отойди.

Я выставляю руки и подталкиваю его в верном направлении. Подальше от меня.

– И ты забыл третий вариант, – не могу удержаться и продолжаю говорить. – Я еще могу бояться тебя. Мы заключили договор до того, как я узнала об обвинениях твоей бывшей жены. А она обвиняет тебя в ужасных вещах, я бы могла передумать связываться с тобой.

– Хочешь повышение зарплаты?

Он произносит с холодом. Самообладание отказывает ему, стоит только коснуться его прошлого.

– Хочу лучше понимать, во что ввязалась. Расскажи о ней, о вашем браке... Почему она делает это с тобой?

Константинов зажигает короткую и грустную улыбку на жестких губах. Он отступает в сторону, а потом подходит к другому столу и облокачивается на него. Распускает верхние пуговицы рубашки, срывая узел темно-синего галстука.

– Она спит с моим конкурентом. Его зовут Влад Цебоев, у него нефтяные вышки на шельфе Каспийского моря.

– Звучит опасно.

– Да, он опасный соперник. Наша холодная война тянется уже несколько лет, он перекупал мои сделки, я отвечал ему тем же, но потом начались личные выпады. Взять в любовницы мою бывшую жену – один из них. Только теперь она заговорила на радость федеральным каналам. Они готовят иски против меня и базу для обвинения...

– То есть это не блеф? Они пойдут в суд?

Константинов кивает.

– И тебя могут посадить?

Боже!

– Не думай об этом. Тебя это в любом случае не коснется.

Я пытаюсь справиться с шоком. Я качаю головой и не могу понять: как так? Да, все знают, что бывшие иногда готовы убить друг друга, но мне всегда казалось, что это скорее фигура речи, чем реальность.

– Мне все равно непонятно, за что она так с тобой. Ты же не чужой ей. Пусть у вас не было детей, но вы же любили друг друга, были и хорошие времена...

– Я испортил ее. – Константинов прикрывает глаза, выпуская усталый выдох. – Некоторых людей большие деньги очень быстро портят. Моментально, не успеваешь даже ничего понять и сделать. А я привез ее в Москву совсем молодую и неискушенную.

– Сколько ей?

– Вы с Ольгой ровесницы.

Оу.

– Удивлена?

– Да, я подумала, что она старше меня лет на пять-семь.

– Значит, все-таки смотрела ее интервью?

Черт!

Константинов подлавливает меня, но смотрит без злобы.

– Поэтому она постоянно красится в блондинку, – добавляет он. – Ольга помешана на своем возрасте и ненавидит гены, из-за которых выглядит старше. Уверен, она уже трижды сожгла твою фотографию.

– О, а у них много общего с моей сестрой, – я глупо подшучиваю, чтобы разрядить обстановку. – Сестра тоже темненькая и... скажем так, тоже с суровым лицом. Новые знакомые вечно думают, что старшая она, а не я.

Константинов странно смотрит на меня, словно я не о своей сестре заговорила, а сорвать договор обещаю. Я не понимаю, в чем дело, и решаю, что он просто-напросто не оценил мою шутку.

Хотя что-то все равно неприятно колет, что-то не так...

– Мы скоро поедem, – произносит он задумчиво, когда справляется с собой, и бросает взгляд на наручные часы.

– Я пойду босиком?

– Я могу донести на руках.

– Еще потянешь спину, – изображаю я сердечную заботу влюбленной невесты. – Не надо таких жертв, милый.

Я упираюсь руками в стол, чтобы спрыгнуть на пол, но Константинов останавливает меня жестом.

– Сейчас принесут другую обувь. Охрана уже суетится.

Глава 8

Я прошла боевое крещение.

Мой первый выход в свет превзошел все ожидания, новостные ленты заполнили наши Константиновым фотографии, а наш скорый брак не обсудил только ленивый. Как оказалось, есть сотня сайтов и изданий, где знаменитостям перемыывают косточки – рассматривают каждый сантиметр платья, проверяют, кто, на кого и как взглянул, под лупой смотрят, намечается ли у невесты животик, и высчитывают, сколько стоила ее сумочка.

И вообще, как она смотрится на фоне бывшей? Лучше? Хуже? Тут же проводят онлайн голосование.

Я выиграла у Ольги, но от этой победы приятнее не стало. Я оказалась не готова к сумасшедшему вниманию, и у меня банально разболелась голова. А от наших фотографий с Константиновым участился пульс. В новости попали самые горячие из них. Те, где он целует меня и крепко прижимает к своему телу. Очень-очень крепко, даже я поверила, что он давно и прочно допущен к этому самому телу.

– Отлично, – с восхищенной улыбкой поет Инна, которая появляется в загородном доме только на следующий день. – Нам удалось сбить фокус с образа Константинов-тиран на образ Константинов-жених. Пусть лучше обсуждают его личную жизнь, чем слушают бред его бывшей.

Она бросает папки на большой стол и смотрит, как я помешиваю кофе с молоком в чашке. После она опускает глаза ниже, проводя строгую линию от моего лица до стоп.

– Как ножки? – фальшивый тон фальшивой подружки. – Надеюсь, ничего серьезного. Я уже поговорила с Асей, она всего лишь стажер – и вот так ужасно ошиблась. Но она больше не будет работать с нами, не беспокойся.

– Я не знаю никакую Асю, – произношу спокойно. – Но уверена, ты отлично подготовилась и все ниточки действительно ведут к бедному стажеру.

– Не понимаю, о чем ты.

– Инна, ты ведь даже не знаешь меня. А вдруг я бы расплакалась? Или вовсе закатила истерику? Сорвала бы выход, и твой босс остался бы без образа Константинов-жених.

Инна берет паузу, прежде чем ответить, и бесцеремонно рассматривает меня. Будто мишень на моем теле выбирает. Я же выдерживаю ее тяжелый взгляд, отпиваю из чашки и подумываю о том, что надо добавить еще сахара. Инну трудно переносить без подсластителя.

– Ты зря думаешь, что я не знаю тебя, – усмехается Инна. – Я составляла досье на тебя для Максима Викторовича. Он не говорил тебе?

Он говорил о досье, это я точно помню. Он сбил меня с толку, когда начал сыпать фактами из моей биографии, стоя в прихожей моей квартиры. Черт... Так это тоже работа Инны? Сколько служащих она заменяет? Она его правая рука? Поверенное лицо?

– Ты бы не закатила истерику, – продолжает Инна. – Не тот характер.

– Ты уже и в моем характере разобралась?

– Я в процессе. Я должна составить твой психологический портрет к концу недели.

Мне хочется ее прибить. Она первый человек в моей жизни, который вызывает во мне раскаленные эмоции. Злость и желание поставить на место.

– Может, ты даже в курсе, почему он выбрал именно меня?

Я холодно улыбаюсь ей и смотрю с вызовом.

– Может. – Она насмешливо кривит уголки губ. – Гложет, да? Ты же не идиотка, Светлана, и понимаешь, какая пропасть между тобой и господином Константиновым. Догадываешься, что одного милого личика мало, да и личико милее не так уж сложно найти. Знаешь, я бы могла целый кастинг провести.

– Не сомневаюсь.

– Нам бы с тобой на нем оставалось только плакать, глядя на конкуренток. Мы с тобой не красотки. Симпатичные, да, но не более... А такие мужчины, как Константинов, привыкли именно к красоткам. Они не замечают таких, как мы. Хотя могут обратить внимание по двум причинам. Как на профессионала, – она указывает ладонью на себя. – Или как на...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.